

ИССЛЕДОВАНИЯ

ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

ПРАВОСЛАВНАЯ ТЕОЛОГИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ СОВРЕМЕННОСТИ

Алексей Александрович Лагунов

доктор философских наук
профессор кафедры социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета
355000 г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1
emaillag@mail.ru

Для цитирования: *Лагунов А. А.* Православная теология перед вызовом современности // Вопросы богословия. 2021. № 1 (5). С. 13–21. DOI: 10.31802/PWG.2021.5.1.001

Аннотация

УДК 271-75

В статье разбираются основные исторические причины, по которым университетская теология была включена в российское научно-образовательное пространство только в этом веке. Утверждается, что сегодня православная теология стоит перед серьёзным историческим вызовом: ей предстоит не только определиться с собственными местом и ролью в современном обществе, но и содействовать возврату философской мысли к прежним религиозным основаниям. По мысли автора, методология университетской православной теологии, имеющая ярко выраженную рационально-теоретическую направленность, отличается от методологии православного богословия, основанной на приоритете духовного опыта; однако вместе они составляют целостность. При этом университетская теология должна не забывать о своём служебном по отношению к православному богословию характере, не терять с ним связи, что позволит теологии не оторваться от полноты христианской жизни и опыта, реализующейся только в Церкви. В качестве вывода констатируется необходимость формирования «Концепции развития теологического образования и теологической науки в Российской Федерации», в которой должны быть чётко прописаны функции университетской теологии, что будет способствовать координации общих усилий духовных и светских образовательных организаций.

Ключевые слова: духовный опыт, методология теологии, православное богословие, рационализация богословия, секуляризационные процессы, университетская теология, философия, философская теология, функции теологии.

Orthodox Theology Facing the Challenge of Our Time

Aleksey A. Lagunov

Doctor of Philosophy

Professor at the Department of Social Philosophy and Ethnology

at the North Caucasus Federal University

1, Pushkin st., Stavropol, 355000, Russia

emalllag@mail.ru

For citation: Lagunov, Aleksey A. "Orthodox Theology Facing the Challenge of Our Time". *Theological Questions*, no. 1 (5), 2021, pp. 13–21 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2021.5.1.001

Abstract. The article examines the main historical reasons why university theology entered Russian scientific and educational space no earlier than this century. The article also argues that Orthodox theology today faces a serious historical challenge: it not only has to determine its own place and role in modern society, but also to contribute to the return of philosophical thought to its previous religious foundations. According to the author, the rational-theoretical methodology of the university Orthodox theology differs from the methodology of the Orthodox theology which is based on the priority of spiritual experience. Together, however, they make up a whole. At the same time, university theology should remember that it is secondary and auxiliary as related to the Orthodox theology which is predominantly based on experience; the former should keep in touch with the latter. This will allow university theology not to break away from the fullness of Christian life and experience which fullness is only available in the Church. As a conclusion, the need for the formation of the *Concept of the development of theological education and theological science in the Russian Federation* is stated. The Concept should clearly define the functions of university theology. This will facilitate the coordination of efforts between theological (i. e. ecclesiastical, pastoral, non-state) and secular educational organizations.

Keywords: functions of theology, methodology of theology, Orthodox theology, philosophical theology, philosophy, processes of secularization, rationalization of theology, spiritual experience, university theology.

Начало века ознаменовалось становлением совсем нового для России образовательного направления — теологии, направления, постепенно расширяющегося и укрепляющегося в современных университетах, академиях, институтах. После достаточно продолжительной дискуссии теология была признана и в качестве научной специальности, в рамках которой определился круг возможных исследований — это и уяснение системы и структуры теологического знания, и процессы его развития, и методология, и множество других прикладных проблем, как перекликающихся с тематикой традиционного православного богословия, так и входивших ранее в поле научной деятельности философов, историков, филологов, педагогов, искусствоведов и культурологов. Несмотря на то, что попытка отнести к уже существовавшим специальностям научные степени, присуждаемые диссертантам-теологам, реализовалась лишь кратковременно, всё же их влияние на формулирование названий областей исследования в паспорте новой научной специальности достаточно хорошо чувствуется, что, наверное, и необходимо, если принять во внимание как междисциплинарность теологии, так и отсутствие экспертов, удостоенных теологических степеней и званий.

Почему же теология как образовательное направление и научная отрасль не развивалась в нашей стране раньше? С советским периодом, разумеется, всё ясно, но почему этого не происходило в дореволюционную эпоху? Здесь кроются глубокие социально-исторические и догматические причины; отвечая на этот вопрос, можно написать полноценную теологическую диссертацию, и не одну. Для предварительной же тематизации ещё только возможных исследований выделим лишь две причины, на наш взгляд, основополагающие.

Во-первых, это знаменитое «начётничество» русских книжников, имея в виду которое отец Георгий Флоровский писал: «...Древнерусская культура оставалась безгласной и точно немой. Русский дух не сказался в словесном и мысленном творчестве»¹. С одной стороны, благоговение перед греческой православной традицией и догматикой препятствовало деятельности по их осмыслению и раскрытию для сознания в контексте изменяющейся социально-психологической среды, что во многом обусловило последующие изъяны русского религиозного просвещения и даже будущий церковный раскол. С другой же, глубокое внутреннее уважение к принятому Русью в уже полностью оформленном виде

1 Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М., 2009. С. 12.

вероучению позволило книжникам веками сохранять христианские истины в неповреждённом человеческими умствованиями виде, что исторически способствовало становлению России как оплота Православия.

Во-вторых, во времена открытия в России первых светских университетов в перечень классических специальностей — наряду с философией, правом и медициной — теология не была включена совершенно справедливо. Современные историки до сих пор разбираются с наследством, которое оставили им приглашённые в то время в Академию и университеты иностранные специалисты, по вероисповеданию, как правило, протестанты, а для теологии данное обстоятельство, как это ясно, имело бы гораздо большие последствия, чем для истории. Разработчики российской университетской структуры достаточно хорошо были осведомлены о той роли, какую ранее сыграло «латинство» в духовных учебных заведениях — что уж говорить о вероисповедном плюрализме протестантизма. В условиях XVIII в. путь для теологии в российские университеты был закрыт, поскольку, как верно отмечал А. В. Карташёв: «Откуда было православным взять науку, чтобы не отравиться заразительной латинской и протестантской пищей?»²

Таким образом, православная теология как теология университетская, которую мы отличаем от православного богословия, издавна развиваемого в монастырях и духовных учебных заведениях, для своего возникновения вплоть до XXI в. не имела ни поводов, ни факторов, ни условий. Важнейшая причина этого — два аспекта которой мы кратко разобрали — вероисповедная. В западноевропейской традиции дело обстояло иным образом. Там теология изначально вошла в необходимый список средневековых университетских специальностей, однако подверглась при этом чрезмерной рационализации — как испытывая воздействие католической догматики, так и, в свою очередь, влияя на неё. Рационализация Откровения — сам по себе процесс нужный для Церкви, о чём нам свидетельствуют Вселенские Соборы, не только боровшиеся с многочисленными ересями, но и в своих оросах раскрывавшие человеческому сознанию истины веры. Но вот когда мерилom истинности суждений постепенно становится только человеческий разум, дезавуирующий духовный опыт, происходят совсем не желаемые последствия. Хотим мы того или нет, но в догмате, открывающемся нашему сознанию, с необходимостью должно оставаться место тайне: как писал В. Н. Лосский, «в известном смысле всякое богословие мистично, поскольку оно являет

Божественную тайну, данную Откровением»³. Богословствование — акт прежде всего духовный, разум только осмысливает его и вербализирует.

О служебном характере нашего разума православное богословие не забывало никогда, чего нельзя сказать о католическом богословии, тем более о протестантском (точнее, протестантских, которых столько же, сколько богословов), что дало повод отцу А. Шмеману констатировать подмену «знания Бога» «знанием о Боге»⁴ при рационализации богословия в томизме и утверждать, что «богословие стоит не на цита-тах — будь то библейские или святоотеческие, но на *опыте Церкви*»⁵. Однако мысль человеческая может не только возвышаться «по вертикали», но и «суетиться» в пределах «горизонтالي». Это с особенной очевидностью сказалось на философском знании, вследствие секуляризационных процессов оторвавшемся от своих религиозно-мировоззренческих оснований. Философия по определению — плод рационально-теоретического познания, и рационализация католической теологии в известной степени предуготовила формирование представлений о самодостаточности когнитивных способностей человека в рамках возникшего множества философско-мировоззренческих систем. Между тем, до наступления Нового времени и сопутствующей ему секуляризации философы сходились в своём утверждении принципиально служебного характера философии, причём не только Пётр Дамиани, Фома Аквинский и Цезарий Бароний («*Philosophia est ancilla theologiae*»), похожий концепт высказывался и такими раннехристианскими мыслителями как св. Иустин Философ, Климент Александрийский, св. Дионисий Великий, свв. отцы Каппадокийцы, прп. Максим Исповедник и др. Но ведь и задолго до них Аристотель отмечал превосходящую философские знания ценность науки о «божественных предметах». Он писал, что эта наука о «причинах и началах» есть наиболее ценная, «божественная наука» (теология), «которую скорее всего мог бы владеть бог», и заключал: «...Все науки более необходимы, нежели она, но лучше нет никакой»⁶. Быть может, претензии современной философии на самостоятельность мировоззрения являются ненормальным для неё явлением? Скорее всего, дело обстоит

3 Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Лосский В. Н. Боговидение. М., 2006. С. 111.

4 Шмеман А., прот. Как преподавать вероучение подросткам // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М., 2011. С. 739.

5 Шмеман А., прот. Мир в свете православной мысли и опыта // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М., 2011. С. 109.

6 Аристотель. Метафизика I, 2, 983a. М., 2006. С. 11.

именно так, ведь человек принципиально ограничен в своих познавательных возможностях, при этом его вера может говорить о сверхразумном, а разум — нет, он может только подменять сверхразумное самим собой, возвеличивая при этом себя до полного обожения (происходящего, конечно, лишь в искажённом сознании человека).

В России на рубеже XIX и XX в. произошло явление, не характерное — даже, пожалуй, исключительное — для мировой истории философии: здесь почти одновременно возникли десятки созданных русскими мыслителями философских систем, завершённых и не очень, которые не всегда с достаточным основанием объединяются сегодня в одно философское направление — русскую религиозную философию «серебряного века». В чём же причина этого стремительного «парада» мировых философских имён, который назвать случайным никак нельзя? Этот вопрос также тематизирует целые диссертационные исследования в теологической области. Мы вновь выделим только основную причину, которая, на наш взгляд, состоит в том, что в это историческое время богословско-философский потенциал Православия, сохранённый в течение веков в Церкви, получил возможность своей реализации в светском обществе, выучившем философский язык Западной Европы. Россия философски «заговорила», и голос её стал слышен во всём мире, а выговоренные мысли по сей день являются тематикой великого множества научных исследований. Но, и это важно, понятно для всех «заговорила» она не на собственном языке и не на языке философов-личностей (достоинств которых при этом, конечно, преуменьшать не следует), а на языке Православия. Разумеется, нельзя всех русских религиозных философов этого времени причислять к стану православных мыслителей. Сами себя они считали именно православными, но были среди них и убеждённые еретики, и заблуждающиеся. Однако все они духовно «питались» от одного источника, сохранённого в Православной Российской Церкви усилиями как клира, так и мира, как простыми людьми, так и подвижниками — известными и неизвестными.

Современный китайский философ Чжан Байчунь характеризует путь русской религиозной философии как трагедию. Связано это, по его мнению, с тем, что русские мыслители признавали философию неотрывной от религии, и именно религиозная проблематика была их главной темой. «Защищая свою религию, русские философы старались обнаружить саму её сущность, причём делали это за счёт критики исторического христианства, т. е. существующих церквей — в том числе и православной — и их прошлого. Абсолютное большинство русских

философов отнюдь не рассматривали служение церкви как своё призвание, поддерживая с православной церковью определённую дистанцию, так что в итоге оказались оторваны и от церкви, и от масс»⁷. Русская философия, выбрав религию, в отличие от западной философии стала философией религиозной, тем самым дистанцировавшись и от «света», и от Церкви, постепенно размежёвывающихся вследствие секуляризационных процессов. «Религиозная философия трагична, но в этом и заключена причина успехов русской философии: любая трагедия глубже комедии»⁸. Как мы хорошо знаем, зарубежные исследователи зачастую склонны ошибаться в оценке российских социокультурных реалий, но бывает и так, что им «со стороны виднее».

Сегодня на смену русской религиозной философии приходит университетская теология, перед которой стоит задача: не только использовать и развивать все положительные моменты, свойственные её предшественнице, но и не повторять совершённых ошибок, связанных, в первую очередь, с излишним доверием к человеческому разуму, характерным для некоторых мыслителей. В своей записной книжке 1870 года Л. Н. Толстой удачно выразил неизбежный итог подобной рационализации: «Возьмитесь разумом за религию, за христианство, и ничего не останется, останется разум, а религия выскользнет с своими неразумными противуречиями [sic!]. То же с любовью, с поэзией, с историей»⁹. Однако нет никаких оснований говорить и о том, что православному знанию чужд разум как познавательный инструмент. Напротив, в многочисленных творениях святых отцов (которые есть не что иное, как рационально-теоретическое изложение их мыслей, совсем не чуждое процессу философствования) мы встречаем более чем уважительное отношение к любознательности и хорошему знанию античной философии. Никто не станет спорить и с тем, что великие догматические достижения Вселенских соборов, на которых крепко стояла и стоит Православная Церковь, были осуществлены во многом благодаря привлечению методологии и категориально-понятийного аппарата этой философии на службу новому христианскому мировоззрению.

На наш взгляд, современную, только ещё становящуюся и ищущую своё место в научно-образовательном поле России университетскую

7 Чжан Байчунь. О трагедии русской религиозной философии // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 78–79.

8 Там же. С. 79.

9 Цит. по: Библихин В. В. История современной философии (единство философской мысли). СПб., 2014. (Слово о сущем; т. 106). С. 254.

православную теологию следует воспринимать как по преимуществу рационально-теоретическое направление, служебное по отношению к духовно-практическому богословию, развиваемому сегодня в духовных образовательных учреждениях, и вместе с ним составляющее целостность. Следовательно, университетская философия никогда не должна терять связи с богословием, постоянно сверяя с ним свои научные положения, выводы, результаты исследований, что позволит теологии не оторваться от полноты христианской жизни и опыта, реализующейся только в Церкви. В данном контексте уместно вспомнить о «философской теологии» Фомы Аквинского. Она, по его мысли, есть начинание, «в котором техника и приёмы философии употребляются для прояснения, подкрепления и расширения пропозиций, которые, как предполагается, даны в откровении в качестве исходных пунктов»¹⁰. Вывод отсюда даётся аналогичный нашему: философская теология является наукой, «подчинённой тому знанию, которое Бог имеет в самом себе и обо всём прочем и которое непосредственно доступно человеку только в иной жизни»¹¹.

Современная российская университетская теология стоит перед серьёзным вызовом истории: для того чтобы быть, ей предстоит не только доказать свою необходимость, определившись с занимаемым местом и играемыми в научно-образовательном пространстве России ролями, но и решить важную, универсальную задачу — на собственном примере возратить философии былой, нормальный статус. Учитывая необратимое (или чрезвычайно трудно обратимое) шествие секуляризации по планете, стать работниками «служительницы богословия» смогут, конечно, далеко не все философы, однако объяснить им, что всякое самостоятельное систематическое философское мировоззрение — это уже религия (квазирелигия) со всеми вытекающими отсюда последствиями, необходимо. Из постановки такой задачи следует необходимость синергии, сотрудничества, сотворчества православного богословия и университетской теологии как её специфического познавательного инструмента.

Устойчивое в наши дни заблуждение, в соответствии с которым понятия теологии и богословия отождествляются, является, по нашему мнению, одним из побочных результатов недостаточного понимания того, что формулировки Халкидонского догмата, относящиеся к Богочеловечеству Иисуса Христа, применимы ко всем областям христианской

10 Цит. по: *Стам Э.* Аквинат. М., 2013. С. 61.

11 Там же.

жизни, в которых антиномичные стороны «неслитны, непревращены», но и «неразделимы, неразлучимы». Преодолению данного заблуждения и координации общих усилий по развитию университетской теологии будет способствовать формирование «Концепции развития теологического образования и теологической науки в Российской Федерации», в которой должны быть чётко прописаны функции университетской теологии, из которых логически следовали бы и содержательная компонента разрабатываемых образовательных стандартов, и формулировки направлений научной деятельности теологов.

Библиография

- Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2006.
- Бибихин В. В.* История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. (Слово о сущем; т. 106).
- Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 1. М.: Сретенский монастырь, 2009.
- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // *Лосский В. Н.* Боговидение. М.: АСТ, 2006. С. 111–452.
- Стамп Э.* Аквинат. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Флоровский Г. В., прот.* Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
- Чжан Байчунь.* О трагедии русской религиозной философии // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 73–79.
- Шмеман А., прот.* Мир в свете православной мысли и опыта // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. С. 98–109.
- Шмеман А., прот.* Как преподавать вероучение подросткам // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. С. 738–745.